

Joanna Korzeniewska-Berczyńska

О произвольной игре термином "коммунизм" : о сути новой "охоты на ведьм" в концептосфере русского и польского языков : (на основе публицистических текстов)

Acta Polono-Ruthenica 6, 421-428

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

VII. KONTAKTY JĘZYKOWE

Joanna Korzeniewska-Berczyńska
(Polska, Olsztyn)

О произвольной игре термином „коммунизм”. О сути новой „охоты на ведьм” в концептосфере русского и польского языков (на основе публицистических текстов)

Коммунизм – константа публицистического ментального лексикона равно в польском, как и в российском социопространстве, а отбор фактического материала указывает на то, что он есть источник обильных знаний о человеке, о его извечных стрессах и поруганных надеждах, о метастазах идеологической непримиримости и о непреходящем желании разоблачать, отречься, а виновников всех бед находить подалеже от себя.

В данном тексте мы хотим обратить внимание на богатые семантические разновидности фразеологизмов и других словосочетаний, которые составляют суть трех направлений антикоммунистической охоты.

Процесс переосмысливания парадигмы коммунизм

В первые перестроечные годы он развертывается в эмоциональной ауре сплошных перуганий советского режима, его новое прочтение часто сопровождается ироническими кавычками, которые, кстати, заменяют кропотливость аналитических действий. Например: „призрак коммунизма исчез на рассвете” – *Ог* 1989, № 4; „самый страшный коммунистический эксперимент” – *НГ*, 10.4.1992. Низвергаются также основные коммунистические принципы: *все поделить! Кто не с нами, тот против нас! Если враг не сдается, его уничтожат! Цель оправдывает средства!*

Сопоставляя польские оценочные суждения с русскими, надо сказать, что если обособить голоса правых экстремистов, то способы переосмысления характеризуются здесь некоторой взвешенностью слов; в Польше ход расставания с коммунистической идеей идет последовательно уже с 1956 года. С тех пор, по справедливому мнению ученых-аналитиков, начинается процесс естественного умирания коммунистического режима из-за недостатка „идеологического питания”. Сегодня даются исторические интерпретации жизнедеятельности польских коммунистов начиная с 1918 года, т.е. – после восстановления независимости страны.¹ Акцентируются также переломные свойства событий 1956 года, которые стали вехой в трансформациях самосознания польских коммунистов.² Таким образом, переосмысление ведется с широким учетом мнений научных авторитетов.³ В оценках преобладают, все-таки, умеренные, рациональные тона, исключаящие общественную приемлемость крайне эмоциональных, дышащих ненавистью интерпретаций. Поэтому говоря о польских характеристиках парадигмы коммунизма, надо сосредоточить внимание на восприятии феномена польского антикоммунизма. Здесь ведущей можно считать мысль Я. Куроня: *Jeśli uznamy komunizm wyłącznie za wcielenie diabła, to niewiele zrozumiemy z epoki postkomunistycznej.* – *GW*, 13.2.1993. Следует добавить, что так понимаемый антикоммунизм – продукт тоталитарного, властвующего мышления тех, кто считает себя носителем „единственно правильного учения”: *„Antykomunizm nie może być moralnym wytrychem, [...] wszechogarniającą kategorią moralną i polityczną”* – *Pol*, 7.2. 1998. Надо согласиться с А. Михником, когда он говорит: *„Problem rozrachunku z komunizmem ma wiele twarzy [...] to również czas namysłu nad zbiorowym konformizmem, który umożliwił wieloletnie trwanie dyktatury komunistycznej”.* – *GW*, 1.4. 2000. В том же аспекте И. Красовски констатирует: *„Antykomunizm, o ile ma przetrwać, musi zostać gruntownie przedefiniowany. Dekomunizm definitywnie przegrał”.* – *Ż*, 5.12.99.

Размышления о порочности внутреннего, ментального антикоммунизма приводят к тому, что в газете „*Życie*”, считающейся „бастионом антикоммунизма после коммунизма”, разразилась недавно многоплановая дискуссия, суть которой выражает Т. Мэрта: „Antykomu-

---

¹ J. Holzer, *Romantyczni fanatycy*, *GW*, 30.4.1999.

² A. Walicki, *Falszywe podziały*, *Prz*, 21.8.2000.

³ Кроме вышеназванных знаменитых имен – это еще А. Шафф, Л. Колаковски, А. Вольф-Повенска, А. Щиперски, Ф. Рышка и другие видные мыслители, историки, философы, социологи, политологи.

nizm jako koncept z natury negatywny nie może być ideą samoistną; główne założenia idei komunistycznej tak się skompromitowały, iż staje się to oczywistością dla wszystkich uczestników życia publicznego. Polski antykomunizm nie zaspokoi swych ambicji w sferze politycznej, ma jednak duże szanse na spełnienie w sferze kulturalnej (lektura dzieł Sołżenicyna, Szałamowa i in.)” – *Ż*, 2.6.1999. Почему антикоммунизм не оправдал себя? „Дебата о коммунизме staje się sposobem walki o władzę poprzez szantaż i dyskryminację przeciwnika politycznego” – *GW*, 1.4.2000. В заключение этого сюжета еще два риторических по сути вопроса: „Традицыйны антыкоммунизм не ма рацыі быту. Але чы мо́жлівы jest антыкоммунизм зрэфармаваны?” – *GW*, 8.4.2000.; „Czym różniłaby się demokracja od komunistycznej dyktatury, jeśliby nie traktowała fair swoich byłych prześladowców?” – *GW*, 11.12.2000.

Метаастазы „коммунистической ментальности” и бессмертный мир ярлыков

Сознанию человека, десятилетиями обитающего в определенном миропорядке, нелегко расставаться с иллюзиями, тем более, если последствия *нового образа жизни* ассоциируются с памятью о якобы ушедшем в небытие режиме: „Коммунизм опять трансформировался в призрак, а в нас оставил вполне не призрачное наследство – привычки, от которых так просто не избавишься”. – *МН*, 16.1.94. И еще ярче: „Над Россией до сих пор витает призрак Сталина [...] Смертный яд в любой дозе смертелен – особенно для ослабленного организма”. – *ЛГ*, 18.10. 96. „Не менее однозначен магический свет далекой звезды, который продолжает светить над нами”. – *Пр*, 4.1.94.

Метаастазы коммунистической болезни проявляются прежде всего в стане власть имущих, то есть, т.н. демократов, если это слово в русском языке еще что-нибудь значит. Сурово оцениваются новые-старые манеры правящих, например: „азиатско-большевистские методы: укрепить личную власть, расширяя свое влияние на клановой основе, подбирая близких, зависимых, преданных.” – *НГ*, 23.3.93; „большевистские методы по принципу цель оправдывает средства.” – *МН*, 24.5.95; „большевистская беззастенчивая игра на уравнилельных страстях, на глухой ненависти к чужому богатству.” – *НГ*, 20.10.94. И риторический вопрос: „Откуда взяться у нас демократам, если почти все мы прошли „коммунистические университеты”? – *Пр*, 14.4.94. О демократах у власти: „на деле те же большевики, готовые мостить и уже мостящие дорогу в „цивилизованный мир” обреченными и не нужными этой „цивилизации” жизнями

миллионов людей.” – ЛГ, 20.8.97. О „необольшевизме”: „пустившие глубокие корни беспринципность, двуличие, политический авантюризм и жажда насилия [...] этот чудовищный многоликий оборотень готов принимать любой образ и исповедовать любую веру, только бы не расставаться с властью.” – Ех, 20. 10.94. О большевистском менталитете: „нетерпеливость и нетерпимость, абсолютный приоритет абстрактной цели над конкретными средствами.” – МН, 29.1.95.

Общество совсем недавно ошутившее, что такое полифоничность слов и мнений, испытывает последствия печально известных вредных веяний: „наш плюрализм превращается в очередное единственно правильное учение”. – НГ, 2.4.97.

В польской концептосфере коммунизм давно потерпел поражение, но он живет как образец идеологизированного мышления и такой же категоризации мира. Организованный политический прессинг остается основой жизнедеятельности властвующих, и, как правильно отмечает известный польский ученый М. Гловински, „im bardziej kto jest antykomunistyczny w deklaracjach, tym więcej w jego języku elementów mowy komunistycznej”. – Wpr, 29.3.92. И более конкретно: „Wszystko albo nic. Kto nie z nami, ten przeciwko nam. Białe – czarne. Dwubiegunowość widzenia świata, niechęć do akceptacji odmienności, skłonność do wyolbrzymiania tego, co dzieli [...] to wszystko jest natrętnie obecne w naszej mentalności, a więc i w naszym życiu publicznym”. – Pol, 15.3.97. Перейдем к ярким экземплификациям коммунистического по сути мышления: „Precz z komuchami! Raz sierpem, raz młotem komunistyczną hołotę! Czerwone kundle” – это типичные ярлыки из лексикона правых экстремистов.

Причины подобного отношения к человеку и к миропорядку, этой *идеологической конквисты* – это унаследованный менталитет тех победителей, которые не желают прибегать к аргументам. В политике продолжает обязывать дихотомическое деление, сегодня – это *komuchy – solidaruchy*. Надо согласиться, что такое мышление приводит к делению польской политической сцены „na dwa zwalczające się narody [...] Jest dowodem roztropności rozumieć, że żadna wspólnota nie przetrwa amputacji połowy narodu.” – Ż, 20.7.97.

Фактически вера в коммунистическое заменяется верой в рыночное „единственно правильное учение”: „Dzisiejsi liberałowie, podobnie jak wczorajsi marksiści twierdzą, że opierają się na prawdzie [...] Niech no ktoś odważy się wyrazić opinię krytyczną, od razu wymyśla się mu od zwolenników Gułagu.” – Prz, 6.3.2000. Опять цель оправдывает средства, а в результате имеем дело с рациональной, хотя исполненной иронии реакцией, которая

проявляет себя в номинациях типа: „antykomuniści ostatniej godziny” – Pol, 8.2.96; „zasłużony antykomunista” (как почетное звание) – P. Tyg, 17.2.99; „integralni antykomuniści” – GW, 8.2.2000. С таким видением вещей созвучно мнение А. Михника: „Antykomunizm tak jak antyfaszizm nie jest sam w sobie legitymacją ludzkiej przyzwoitości. Kłamstwo stare [...] zostało zastąpione kłamstwem nowym – kłamstwem antykomunistów rozliczających komunistów.” – GW, 1.4.2000.

Приведем еще несколько выражений, непосредственно характеризующих метастазы коммунистического менталитета: „tania demagogia antykomunistycznej elity” – Pol, 20.1.96; „obsesja antykomunistycznych ideologów; wszechogarniający gniew do komunistów” – Prz, 21.2.2000; „odpychająca ideologiczna konkwesta” – GW, 19.8.2000.

Антикоммунистические громкие аккорды не находят большой аудитории. И в Польше массовый человек оказался одиноким, никому не нужным, лишний раз обманутым: „Liberalizm ideologiczny nieustannie obiecuje »świetlaną przyszłość«, w imię której mamy cierpieć.” – Prz, 6.3. 2000. И в тон: „Wielu oportunistów zapomina, że »Solidarność« szła do walki pod hasłem »socjalizm bez wypaczeń«. A co nam zafundowano? »Dziki« kapitalizm [...], drastyczne rozwarstwienie ekonomiczne, bezrobocie, mafie, gangi, przerażające zdziczenie obyczajów.” – Prz, 6.3.2000.

Известный историк И. Едлиński – один из многих мыслителей, концентрирующих внимание на „оборотнях”, на извечных конформистах, на хамелеонах наших дней: „»Odcinanie się« jest zawsze zabiegiem nieco dwuznacznym. Zmiana postaw wobec własnych życiorysów nie dokonuje się z dnia na dzień, wymaga bolesnego czasem przewartościowania.” – T. Powsz, 15.1.96. Это о них D. Passent говорит: „Wielu ludzi na naszych oczach zmieniło wiarę. Z wczorajszych towarzyszy i poputczyków przerobili się na zajadłych głosicieli jednej niepodzielnej prawdy.” – Pol, 3.2.96.

Антропонимический погром носителей коммунистической идеологии

„Охота на ведьм”, пожалуй, наиболее ярко выражена посредством антропонимов, беспощадно клеймящих „врагов демократии”, т.е. не только инакомыслящих, но и сомневающихся. Функция этих номинаций сводится к безудержному оплевыванию всех, кто не сумел сделать единственно правильный выбор, всех, кто только готовится к выбору, наконец – всех актеров левой стороны политической сцены (коллективная вина и ответственность).

Типология отобранных русских антропонимических единиц вмещает в себе, в основном, три категории. Первая – номинации, которые относятся к „коммунистическим боярам” советского времени: „слои мутантов (сделали идеологию оправданием собственной безнравственности)” – Ниж 88, № 12; „трубадуры административно-командной системы” – МН, 21.1.89; „рыцари абсурда” – Сур, 1989; „классовые расисты” – МН, 30.3.96. Вторая группа антропонимов адресована коммунистам как реальной социальной группе. Так, в 1988 году в периодике появляется статья ортодокса-сталинистки Нины Андреевой *Не могу поступаться принципами*,⁴ которая поспособствовала выведению советской номенклатуры из шокового состояния. Ее представители в массовом количестве появляются на политической сцене, играя существенные роли, становясь заодно заметным предметом безоговорочной критики. Уничижительный ряд инвективных синонимов пополняется за счет все новых номинаций: *твердоголовые, не могущие поступаться принципами, индивидуальные кассандры, небольшие коммунисты, некоммунисты*. Параллельно возникает категория *новообращенных коммунистов* (конец 1990 года) и идейно близких – *возвращенцев в коммунизм*. В связи с кровавыми октябрьскими событиями в Москве 1993 года появляются *большевики-профессионалы, обладающие ущербным менталитетом*, основательно охарактеризованным А. Яковлевым.⁵ Апогей злопамятства и непримиримости можно увязывать с определениями типа: „грязные коми (с 1993 года) или кладбищенские крестосеятели, которые рвутся к власти, чтобы допеть свои песни.” – МН, 10.12.95; „недобитые коммунисты” (в Верховном Совете) – 1995; „Шарики и Швондеры, которые лезут нам в души” (1998 год). Третья группа – это попутчики наших дней, именно они прежде всего заслуживают безоговорочного и сплошного порицания. Примеры: *коммунисты-перебежчики (коммутанты)*, которые появляются на авансцене в 1992 году; *перекрасившаяся советская номенклатура* – 1997 год; *вселенские временщики* – 1998 год. Совершенно молодое явление – *юные десопаты* (члены Детского Союза патриотов), которые с 1998 года стали надеждой вечных приверженцев бессмертной утопии. Кстати, их жизнеспособность

---

⁴ Н. Андреева, *Не могу поступаться принципами*, „Советская Россия”, 13.3.1988.

⁵ А. Н. Яковлев, *Горькая чаша. Большевизм и реформация в России*, Ярославль 1994.

обоснована глубоко человеческой потребностью верить, что возможно создание доброго мира, что мы его наконец-то создадим.

Специфика польской действительности, равно как и некоторые наши ментальные свойства, определяют своеобразную картину антропонимов, они так же написаны агрессивными красками, но язвительность в некоторой степени нивелируется посредством применения красок нейтральных. Сказанное относится, в первую очередь, к историографическому сюжету. Попытки такого переосмысления почти отсутствуют в российской периодике. Так, о коммунистах довоенных лет: „autentyczni »wierzący komuniści«” – *Prz*, 6.3.2000; „przeciwnicy »burżuazyjnego« państwa” – *GW*, 30.3.99; „obrońcy »socjalistycznego« państwa”; „ideologowie »dyktatury proletariatu«, romantyczni fanatycy” – *Pol*, 20.3.98 и т.п.

В этой риторике активизируются, однако, и печально известные семантические оппозиции, формирующие черно-белое видение мира. Я имею в виду „эпидемию подлинности”: *prawdziwi Polacy, prawdziwi katolicy, prawdziwi patrioci*. Им противопоставляются все „ненастоящие”, например: *żydokomuna, masoni, kryptokomuniści, agenci komunizmu, agenci bezpieczeństwa, niegdysiejsi stalinowcy* (которые не очистились, которые якобы дышат миазмами прошлого), *garstka sprzedawczyków* (послевоенные коммунисты, основатели коммунистического режима в Польше).

Подобные номинации имеют изначально конъюнктурный характер и активизируются в моменты обострения политической борьбы, борьбы за власть. Константный характер имеет определение *postkomuniści*, а также перенасыщенные негативными эмоциями названия *postkomuchy, komuchy*.⁶

Любая власть, если мы ее не ограничиваем, обожает заниматься низвержением уходящего режима; это тесно сопряжено с деструкцией слов, проводимой с целью приспособить их к функции орудия борьбы. Таким образом, язык посткоммунистической политики („новый новояз”) продолжает служить не средством коммуникации, а орудием беспардонной расправы, полной моральной дезавуации противника. В Польше такое „антикоммунистически-коммунистическое лицо” показали правые экстремисты, которые лидируют с той стороны политической сцены: „Lewica walczy jak potrafi o swój wizerunek. Prawica obnaża paskudną twarz Dorianą Grayą. Z wierzchu piękna i szlachetna, dobrotliwa i anielska, pod skórą coraz straszniejsza.” – *Tryb*, 3.12.99.

---

⁶ На тему польской политической риторики в „посткоммунистическом пространстве” подробно см.: J. Korzeniewska-Berczyńska, *Polityczna wieża Babel*, „Dziś” 2000, nr 7, с. 42–48.

В данных рассуждениях меня интересует прежде всего человек во всей своей сложности, неповторимости, непредсказуемости. Итак, наша драма восходит к свободе, из-за которой мы обречены на постоянные самостоятельные выборы – решения, „что такое хорошо, что такое плохо”, причем неразрешенным остается экзистенциальный вопрос, почему человек выбирает, как правило, именно „плохо”.

К этому „плохо” в российской концептосфере мы отнесем выбор, который заставляет искать объект-заменитель для изливания негативных эмоций. Они вызваны не только определенными поведенческими стереотипами, но и неустроенностью быта, но и пугающей загадочностью маячащего *капиталистического светлого будущего*, которое строится *методами военного коммунизма*. Такова психосоциальная этимология семантически универсального, общего для польских и русских судеб концепта *публичный донос*, свежей номинации для старого советского явления. ПД – это как бы собирательное имя для очернительства-клеймения-ненависти „к ним” – к оказавшимся бессильными социальным аутсайдерам.

Антикоммунистическая „охота на ведьм” – это – с одной стороны, симптом хронической болезни, с другой же – надежный метод поисков социального громоотвода, который может изменить направленность „энергии народного гнева”, вызванного непреодоленной болью существования.

Принятые сокращения

Ех	– „Megapolis Ekspres”
GW	– „Gazeta Wyborcza”
ЛГ	– „Литературная газета”
МН	– „Московские новости”
НГ	– „Независимая газета”
Ог	– „Огонек”
Pol	– „Polityka”
Пр	– „Правда”
Prz	– „Przegląd”
Сур	– <i>Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма, Москва 1989</i>
ТРовsz	– „Tygodnik Powszechny”
Wpr	– „Wprost”
Ż	– „Życie”